

Памятники умирают молча

Конечно, древний наш Переславль и его умудрённых жизнью граждан не удивишь памятником XVIII века. Подумаешь! У нас и подревнее есть. И уж тем более покрасивее. А этот... Нечто весьма непрезентабельное, напоминающее двухэтажный лабаз, а по-современному — барак. Называется — мануфактура Темериных. Вот разве что кладка особенная — не так просто расшатать её, да кирпичики — не чета нынешним, покрупнее и попрочнее, очень хорошие из них печи в дачных хоробах получаются. А в целом — смотреть не на что, одно слово — промышленная архитектура, к тому же изрядно попорченная временем и людьми, которым начихать и на старину и на память.

На ту самую память, которая хранит факт, что в этом самом строении находилась одна из первых в России мануфактур. С таких вот небольших (с современной точки зрения) — на 100—150 работников полукустарных мастерских и зарождался в России капитализм. Таких строений, как и вообще памятников некультового, гражданского назначения, сохранилось немного. Радоваться бы нам, переславцам, да гордиться, что один из них — у нас. Да где там!..

С памятниками архитектуры у нас, как известно, дела обстоят — не ахти. В большинстве своём они почтенны по возрасту (а какой же иначе это будет памятник?), требуют ухода, ремонта, зачастую — масштабной реставрации и охраны. На всё нужны деньги, деньги и ещё раз — деньги. И тут начинаются не просто трудности — тут возникает беспросветный тупик.

У местных властей средств не хватает, что называется, «на живых едоков», на сегодняшние их нужды, о двухвековой давности «покойниках» говорить не приходится. Федеральному бюджету тем более не до переславской старины. Хотя там и предусмотрена какая-то самая что ни на есть распоследняя графа — на культуру.

Есть, правда, ещё областные источники финансирования. Тем более, наша многострадальная мануфактура как раз и «возведена в ранг» памятников областного значения, то есть находится на балансе областного комитета по охране памятников истории и культуры. Но те жалкие крохи, которыми волен распоряжаться комитет, давно израсходованы на реконструкцию другого архитектурного памятника — Горицкого монастыря. И кто возьмётся судить, что лучше: по мизерной капле делить на всех или дать воспрянуть из праха сначала хоть одному, а потом другому, и следующему... Глядишь, дошла бы очередь и до мануфактуры Темериных.

Но этого не случилось. Произошло совсем иное. После того, как из старинного помещения были удалены склады райпотребсоюза и здание осталось необитаемым, а следовательно — и неохраняемым, за него принялись мародёры.

Так началось разграбление памятника и его умирание. Сначала, распилив петли, унесли старинные металлические ворота. Затем — ступень за ступенью — разобрали деревянные лестницы, сняли половицы и всю двухсотлетней давности «столярку». Происходило это, судя по всему, в праздничные новогодние, а может — и в рождественские дни.

Для строения столь почтенного возраста такой «натиск» оказался не по силам. Сквозь арочные проёмы, лишённые воротин, подул злой февральский ветер, ветхая, ни разу никем не отремонтированная кровля не выдержала снежного груза и обвалилась. Теперь дело завершают ненасытные радетели чужого добра, принявшиеся за старинную кладку — выковыривают кирпич, не страшась даже того, что потревоженная ими перемычка может рухнуть на их же головы. Ещё немного — и от старинного здания останутся просто руины.

И не скажешь, что судьба памятника никого не волнует. Напротив. Озабочена, созывает комиссию за комиссией представитель областного комитета по охране памятников Юлия Константинова, волнуется старший инженер государственного архитектурно-строительного надзо-

ра Михаил Корнилов, ищет пути спасения старинной мануфактуры и. о. главного архитектора города Валерий Попов. «В курсе» и городская администрация, и КУМИ, но что они могут — здание «чужое», хозяин его — комитет по охране памятников. Но и сам комитет бессилён.

Прочитую вкратце то, что сказал каждый из вышеперечисленных участников драмы.

М. Корнилов: — После того, как выехали склады, у этого здания практически нет хозяина. А долго ли продержится бесхозное добро? Формальный хозяин памятника не располагает средствами ни на реставрацию, ни даже на охрану здания. И всё-таки нужно делать хоть что-то, кроме констатации факта своего бессилия. Нужно писать в вышестоящие инстанции, требовать целевого выделения средств, нужно искать новые пути, наконец. Передать объект другому хозяину, кто побогаче и предприимчивее, найти людей с деньгами которые хотят и могут спасти памятник. Нужно бить во все колокола — иначе мы просто в очередной раз потеряем своё же добро.

Ю. Константинова: — Я знаю, конечно, будете ругать комитет — мол, не принимаем никаких мер. Но что же можно сделать без денег? Какой бы, пусть даже самый упрощённый способ и минимальный объём работ мы ни избрали — потребуются средства, — а где их взять? Денег не было (и нет) даже на замки для ворот, приходилось покупать за свой счёт — а что толку?! Срезали замки, срезали петли, не осталось и самих ворот. Теперь нужно хоть как-то перекрыть доступ в здание — лучше всего послужила бы кирпичная кладка в проёмах.

Да, зданию нужен хороший, заботливый и богатый хозяин — но просто перепродать, передать или подарить его мы не имеем права, Закон об охране памятников не позволяет.

Можем лишь сдать в аренду, притом на весьма выгодных для арендатора условиях, на длительный срок. Но желающих пока нет — уж больно крупную сумму потребуется вложить в реконструкцию здания. Хотя она, наверняка, окупится — восстановленную мануфактуру вполне можно было бы использовать по первоначальному назначению, разместить здесь какие-нибудь мастерские, промыслы.

Есть ещё один путь — выставить здание на аукцион. Залётные толстосумы наверняка бы польстились на 400 кв. метров, расположенных чуть не в самом центре Переславля. Но для них, залётных, и вовсе никакой закон — не закон. Заплатят за аренду и, неровен час, снесут. Прецеденты такого рода имеются. И управы на них — никакой, очень уж расплывчато наше законодательство в этой части. Так и получается: нести это добро тяжело, а отдать в чужие руки — жалко.

В. Попов: — Закон об охране памятников, которым приходится руководствоваться, сильно устарел, не учитывает новых условий. Восстановление этого здания потребует крупных затрат, трудно рассчитывать тут на местный и даже на областной бюджет. Остаётся рассчитывать на богатых предпринимателей, равнодушных к культуре. Но и они, конечно, не станут вкладывать деньги без выгоды для себя. «Физические возможности» старинного здания сулят в перспективе определённый выигрыш. Но есть и определённый риск, о котором любой предприимчивый человек не может не думать. Главное — никто не знает, каким будет (и когда он появится) новый закон об охране памятников. Охотников же полагаться «на честное слово» нашего государства сейчас мало. Такое положение устраивает лишь не порядочных людей, готовых утащить всё, что плохо лежит, и не страшущихся при этом ни закона, ни совести, ни Божьего суда...

Что же всё-таки будет с этим зданием-памятником? Найдутся ли те пять миллионов рублей, на которые, как на манну небесную, рассчитывает Ю. Константинова? Найдётся ли богатый предприниматель, болеющий душой за нашу российскую историю и культуру? Образумятся ли в конце концов охочие до чужого добра переславцы, растаскивающие памятник по кирпичику? На что рассчитывать? Неужто — только на Бога?

Нехорошо, говорят, упоминать имя Божие всуе, но что ещё, кроме «Бог накажет», скажешь бесчестным людям, строящим сараи из реликвий.

Боже, сотвори же такое чудо! Трудно молить об этом с мыслью о сегодняшней несуществующей справедливости. Но хотя бы — ради нашего прошлого, истории его и славы. Или во имя будущего, которому надо же из чего-то произрасти...

Р. S. Материал уже был готов к печати, когда стало известно, что работы по перекрытию доступа внутрь здания мануфактуры начались. Шаг к спасению памятника сделало АО «Строитель». Хочется верить, что он, этот шаг, не останется единственным.